

Всероссийская колымага

У Советской России три врага — буржуазия, природа и сама она, Россия. Это обыкновенная истина. Ее надо понять теперь всем, но ее до сих пор поняли не все, далеко не все.

То, что буржуазия нам враг, — известно много лет. Но что она враг страшнейший, могущественнейший, обладающий безумным упорством в сопротивлении, что она действительный властелин социальной вселенной, а пролетариат только возможный властелин, что она закована в броню глубоких предрассудков, ставших истинами для масс, и в золото неисчислимой собственности — это лучшее орудие социальной борьбы и победы, — это нам стало известно из собственного опыта. Может быть, мы немножко это знали и раньше, даже до революции, но вполне и много мы узнали это только теперь.

Мы узнали недавно, как трудно волочить по историческому бездорожью всероссийскую колымагу партийно-советским мотором.

А наше историческое бездорожье почти непроходимо: идем-идем — все нет и нет конца. Европейская коммунистическая революция, эта историческая прямая, мощеная дорога, еще не поддается продвижению; а значит, она не так близка, если видеть ее нельзя.*

А чем дальше мировая (или хотя <бы> европейская, это почти одно и то же) революция, тем ниже качество русской революции. И каждый день отсрочки пролетарского восстания есть понижение на градус революционной температуры русского пролетариата. Каждый прожитый нами в одиночку день равносителен нашему поражению и все большему оживанию трупа буржуазии.

Чем короче социальная классовая революция, тем она победоноснее. Растянутая на необозримо долгий срок — она может свестись к нулю, то есть революция может стать силой, которая якобы по объективным условиям, а на самом деле по собственному бессилию? возрождает капитализм в еще более нестерпимых, безумных формах, чем он был до революции.

Чтобы победить буржуазию окончательно, чтобы и говорить было больше не о чем, надо ее уничтожить, выбить из действительности, умертвить всех ее представителей.

В наше время, время ломаного противокапиталистического фронта, а не фронта прямого удара, — это звучит немного дико, а много — глупо. Сознаюсь и разъясняю.

Оправдание всем нашим сложнейшим действиям одно: объективные условия, играющие не в нашу руку. Но что такое эти знаменитые «объективные условия»?

Это атмосфера действительности, созданная господством капиталистических шаек. Она прямопропорциональна мощи капитала и обратнопропорциональна революции всегда. Значит, объективные условия всегда нам враждебны, так как они есть субъективное выражение буржуазии (для нашего момента).

Чтобы изменить действительность, взять управление ею в свои руки — надо уничтожить эти «объективные условия» через уничтожение создающей их буржуазии. Тогда «объективные исторические условия» пересоздадутся сами собой и будут пролетарской атмосферой.

Мы размахнулись, ударили, а убить — побоялись «объективных условий».

А надо убить, чтобы победить.

* Бессилие революции, когда она уже начата и длится, бессилие, как признанный факт, есть ошибка самой революции в учете объективных условий перед своим выступлением. Нашей революцией эта ошибка не совершена, как и вообще никакой революции — см. дальше.

Объективные условия есть результат, есть выражение борющихся классовых субъективных сил; и поэтому они субъективны, а совсем не объективны; они выражают волю господствующего субъекта; чтобы их изменить, надо уничтожить этот господствующий классовый субъект — буржуазию.

При боязни, при «учете» этих окаянных «объективных данных» победа революции невозможна.

Все мы в этом отношении были до сих пор глупее буржуазии. Мы думаем, что революции надо считаться с действительностью, иначе она не победит, а забываем, что эта действительность буржуазна, враждебна нам. Считаясь с действительностью, мы не уничтожаем ее (в чем первая задача революции), а приспособляемся к ней.

Смысл революции — как раз в изменении действительности через взрыв ее и пересоздание; революция не должна считаться с действительностью, ни смотреть на нее. Революция должна только себя признать за настоящую действительность, все остальное — за чепуху, достойную пинка.

Революция — сила обратная действительности, противоположна ей; она есть новая, более реальная действительность, уничтожающая старую действительность, ставшую недействительной с рождением революции.

Быть революционером и считаться с теперешнею действительностью — преступление и дурачество, контрреволюция. Революция должна помнить только себя и свои задачи, а не глядеть в беззубый рот враждебнейшей действительности.

Революция и настоящее — несовместимые вещи. Совмещение их есть смерть революции. Победа революции в ее смелости и «безумии» (для «разума» действительности революция всегда безумна).

Все это очень скучно говорить. Не революционер, а только круглый дурак, «садовая голова», считается с действительностью. Это все равно что бить и ощущать боль от своих ударов. Такой боец недолго продержится, он упадет от воображаемой боли своих же ударов.

Революция — это то, что не может не быть, что хочет и что будет новой действительностью вразрез действительности теперешней.

Теперь дальше. Действительность такова: 25 миллионов народа поволжских губерний голодают, обречены на смерть. Солнце выжгло поля. Люди бегут в Сибирь, к нам, на юг, во все концы. Это мы узнали летом этого года. Но это мы предвидели. С этой «действительностью» один разговор: уничтожение ее. В будущие годы побежит почти вся Россия. Дождя выпадать не будет. Сеять хлеб станет ненужной работой: засуха в сухую пыль превратит труды крестьян.

Борьба с голодом, борьба за жизнь революции сводится к борьбе с засухой. Средство победить ее есть. И это средство единственно: гидрофикация, то есть сооружение систем искусственного орошения полей с культурными растениями.

Революция превращается в борьбу с природой.

Я из опыта знаю, что прежде чем нормировать урожай своими руками, гидрофикацией, прежде чем победить тот элемент природы, который управляет засухой, — надо победить косность людей, от которых зависит практическое осуществление гидрофикации.

Все кричат, воют подголосками: хлеба! А когда им хочешь указать путь к этому хлебу, то оказывается, что это скучно. И пусть 25 миллионов людей день и ночь бегут выжженными полями бог весть куда, пусть! У нас пока есть немного хлеба, есть любовь, есть музыка, стихи, есть в нашем покое и благополучном равнодушии своя красота. А то не наше дело, то дело центра или еще кого-нибудь.

Как у нас мало сознательности, в смысле чувства! Как велик у нас живот и губы!

Но не для этих чертюков мы живем и боремся. Гидрофикация им не нужна, им нужна «имагофикация», им нужен «здоровый смех», радость на трупах.

Хорошо же, мы натравим на них 25 голодных миллионов. Пусть голодные им совершат «революцию в искусстве», пусть докажут, что красота есть только функция сытости. Голодный, безобразный ребенок дороже армии сытых и прекрасных. Он и прекрасней их.

В нас нет счастья, в нас есть мысль.

Искусство — это путь от страдания к освобождению и радости. И никто не понял, что, чтобы освободиться от страданий голода и смерти, для этого надо создать поэму о гидрофикации. Гидрофикация вызвана нестерпимой мукой миллионов, она есть их надежда и спасение, их единственная решающая красота.

А прыщи на теле масс, вроде «советской интеллигенции», не хотят гидрофикации, они не верят (не доверяют, по крайней мере) науке и ее предвидениям. Ладно: они богу молятся, у них есть надежда, у нас ее нет, у нас есть руки и много хороших голов.

Писание статей есть буржуазная выдумка. Поэтому я кончаю.

Всероссийская колымага не едет потому, что она колымага, хоть и стоит на ней прекрасный двигатель новейшей конструкции в виде РКП. Надо переделать колымагу в автомобиль.

Надо разрушить действительность и создать то, чего нет. Надо больше ненавидеть, чтобы дойти до любви.

Эти бегущие 25 миллионов не считаются с действительностью, а ненавидят ее. Они настоящие революционеры: они первые поняли, что такое гидрофикация, что такое машина и что такое вселенная.

Будущая голодная Россия, когда ее душа будет перегорать от засухи, одним ударом, одним ничтожным напряжением коллективного сознания уничтожит враждебные силы природы, а с буржуазии-то голова слетит в первую голову, и никто этого не заметит. Это тогда будет не важно.

Россия будет гидрофицирована желанием голодных масс, их волей и их мыслью, наперекор общественному равнодушию.

Пусть мы не учены, но мы погибаем. Науку мы постигнем в два счета, потому что мы — масса и потому что наука перед жизнью только маленькие пустяки.

Смерть — личности, жизнь и свобода — организованным массам. Масса делается личностью. Вот что пусть знают все в Советской России.

Рабочая масса, организованная совместным машинным трудом, представляет из себя, выражаясь старым языком, высший тип личности. Но, конечно, масса не личность, а что-то больше ее, что-то другое, что знает сама масса и ее члены, но чему не подыскано еще имени, для чего нету слова во всем интернационале языков.

На пути к коммунизму Советская власть только этап. Скоро власть перейдет непосредственно к самим массам, минуя представителей. Представителей, членов массы, не может быть — тогда масса не целое, не организм, тогда она не масса. Это надо понять, как самого себя понимаешь, это надо ощутить.

Раз масса вымирает от голода, а рабочие дрожат и падают у станков, потому что от слабости и истощения идет кровь из носа, значит, революция только начинается.

Мы накануне наступления масс, самих масс, без представителей, без партий, без лозунгов.

Рабочие массы скоро возьмут власть в свои руки без представителей, без учреждений, без исполнительных органов. Масса бесчленна.

Об этом подробно напишу, если советская печать и власть увидит в этом выступлении непосредственно самих масс путь к коммунизму и высшую, следующую форму рабочей диктатуры и не испугается этого мощного взрыва красной энергии.

Да здравствует Общее Собрание — власть рабочих!

Через Советы — к Общим Собраниям.

Вся власть рабочим массам — без представителей, без органов и учреждений.

Долой выборность, дух учредилки, власть должна быть самоорганизацией, масса нераздельна. Властвует масса тогда, когда она вместе, когда она не имеет представителей, когда она представляет себя сама и не доверяет никому, даже первому из лучших.

Смерть личности, жизнь массе.

Да здравствует Союз Рабочих Производящих Масс — Великий Интернационал, IV Интернационал!